Г. ШМАНЬ

СУНДУКОВСКИЕ ГОСТИНЦЫ

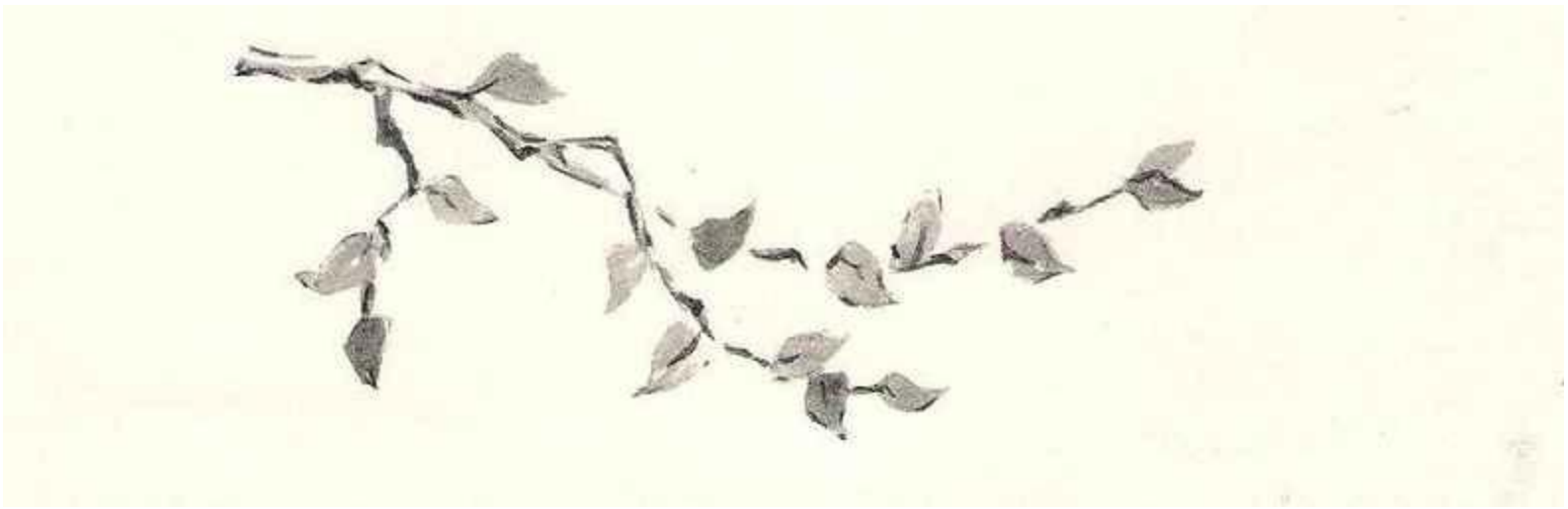
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Г. ШМАНЬ

СУНДУКОВСКИЕ ГОСТИНЦЫ

Рисунки Л. Рыбченковой

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» – МОСКВА 1966



ТОПОЛЕВАЯ ВЕТОЧКА

Не дружит Витька со своей старшей сестрой Кирой. Дружбы не получается. Неужели у всех такие сёстры?

Витька пробовал иногда слушаться её, но дружба всё равно не наладилась.

Сейчас Витька сидит на широкой, изрезанной ножом скамье, как раз против избы, и думает: „Кто виноват в этом?"

Если Витька сделает что-нибудь хорошее, Кира хвалит его с оглядкой. Но коль уж он провинился, громко, чтобы вся улица услышала, кричит:

— Это мог сделать только ты!.. Это нечеловечно!

Витьке надоели поучения. Он забирается до первых сумерек в Каменистик. Это глубокий овраг с крутыми глинистыми боками. По каменистому дну его течёт чистый ниточка-ручеёк...

Витька смело пробирается через живую стену зарослей ольхи и лозняка. На дне оврага он садится на обросший мохом камень. Из-под камня выскакивает ручеёк. Витька

задумчиво слушает задиристое его бормотание. Оно переплетается с еле уловимым шелестом травы.

Витька знает все места тут наперечёт. Сколько гнёзд упрятали в зарослях птицы... И какие они...

Витька осторожно раздвигает отяжелевшие под росой ветви орешника. Он ищет хитро скрытые там гнёзда.

Сорвавшись однажды со стены Каменистика в кустарник, он расцарапал себе нос и разорвал штаны. А когда пришёл домой, Кира снова закричала на всю улицу, что это нечеловечно и что она пожалуется наконец отцу.

И она пожаловалась.

Тот, попыхивая трубкой в подпалённые усы, пообещал Витьку выдрать, а хворостинку выломать из тополька на огороде.

...Витька с жалостью глядит на тополёк, который растёт в конце огорода. Он тоненький ещё и слабый. Сломать его нельзя, скажут — нарочно всё это сделал.

Тогда он отыскал под верандой старую ржавую лопату, выкопал тополёк и перенёс его в соседний огород. Тополёк принялся. Даже листья не завяли. Но Кира всё-таки заметила, что тополька нет. И подняла шум...

Вечер уже брался в полную силу.

Витька крика не слышал: он был в Каменистике. А когда выбрался оттуда, то ещё издали увидел суетящуюся возле свежевырытой ямы Киру. Она размахивала длинными руками и что-то показывала отцу.

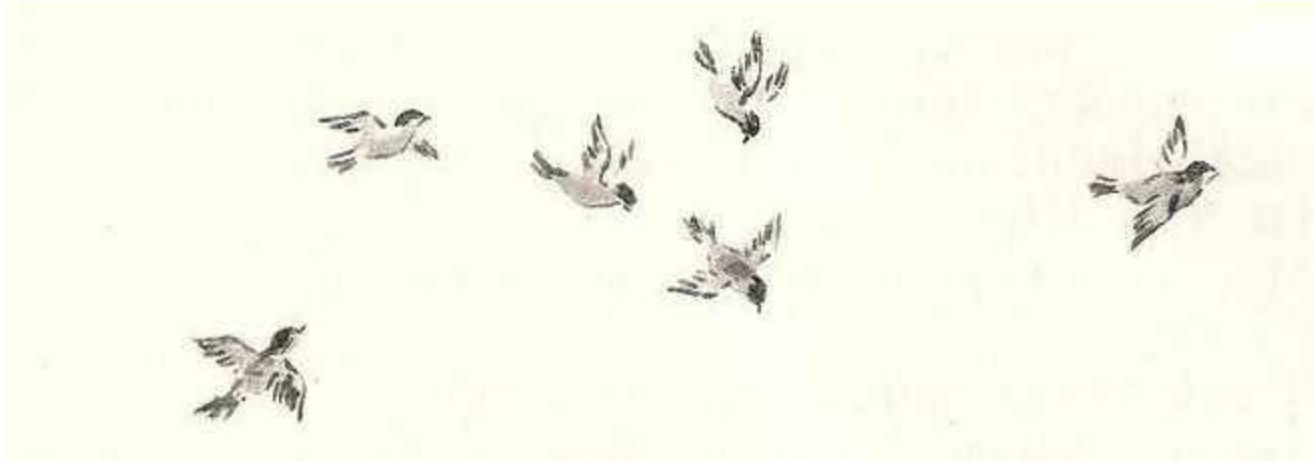
Домой идти Витька не решался — выдерут. Но в Каменистике всю ночь сидеть тоже страшно. И Витька пошёл домой: будь что будет.

Но, странное дело, отец почему-то не ругался. Глаза у отца с хмуринкой, а лицо по-прежнему доброе. И Витька понял, что порки не будет.

Кира стояла возле ямы и ругала его:

— Это мог сделать только ты... Это нечеловечно...

А Витьку захлёстывала обида: какая разница, где будет расти тополёк! Важно, чтобы он остался живой.



МАЛЕНЬКИЙ ШУРКА

Я прихожу домой во второй половине дня. И каждый раз по дороге встречаюсь с мальчишками-карапузами. Они копошатся в песке, прыгают на одной ноге, потом не дыша подкрадываются к воробьям. А те безбоязненно разгуливают по обочине сквера.

Воробьи ленивые и жирные. Они грузно перескакивают с обочины в заросли, недовольно чирикая — зачем, мол, их потревожили...

Дети заразительно хохочут, гоняясь за воробьями. Смех детей стоит у меня в ушах.

На углу улицы я вижу свой дом. Пятиэтажный, раскрашенный под зебру. В нижнем угловом окне на стекле плющится нос-картошина. Это брат мой Шурка.

Не успеваешь отворить скрипучую дверь, а на пороге уже ждёт меня брат. Чубчик у него редкий и шелковистый, смешно завивается кверху.

— Добрый день, Шурка!

Я подхватываю брата на руки и подбрасываю до потолка. Шурка хохочет, только чубчик подрагивает.

Мальчонка обвивает мою шею руками, прижимается к заросшей колючей щеке и спрашивает:

— А рисовать будем?

— Будем, Шурка, будем...

— Ага, я так и знал... Я так и знал! — кричит Шурка.

Я беру цветные карандаши и рисую прямо на обложке тетради играющих детей, сквер и взъерошенных воробьёв. Мальчонка отворачивается от меня, смотрит в угол.

— Ты что, Шурка?

Мне воробьи и мальчишки надоели, — говорит он, надувая губы.

— Давай тогда зайца нарисуем, а?

— Давай, — кивает головой брат. В глазах его вспыхивают искорки.

Я беру чистый лист бумаги, а Шурка просит:

— Только ушастого зайца, ладно? Да подлинней чтоб уши были.

— Обязательно будут длинные уши, — успокаиваю я.

Шурка водит глазами за карандашом, сопит. Словно сам рисует. Сопение это слышит вся квартира.

И вот уже длинноухий заяц перекидывает своё гибкое тело через горбатые сугробы. Перепрыгнув через сугробы, заяц старается нырнуть в лес. Косит глазами. За ним в шапке-треухе гонится паренёк. Он хочет поймать беляка. А тот не даётся ему в руки, бежит быстрее мальчишки.

Шурка хватает рисунок из рук и, скользнув со стола, с криком вбегает в кухню:

— Погляди, бабка, заяц!.. Погляди!

На второй день я замечаю в глазах брата грустинку.

— Ты почему такой? — спрашиваю я Шурку.

— Боюсь, заяц сбежит, — признаётся он.

Я предлагаю запереть зайца в шкаф, тогда не сбежит.

Шурка, щёлкнув ключом, ныряет под одеяло, но долго не может уснуть.

— Всё-таки может сбежать, — вздыхает горестно он.

— Из-под замка не сбежит. Замок надёжный, — убеждаю я Шурку.

Мальчонка засыпает, а я хожу по комнате и думаю, как успокоить Шурку. Затем вновь рисую зайца. Кладу этот второй рисунок в шкаф.

Утром Шурка поднялся рано. Осторожно, чтобы не разбудить нас, он подкрался на цыпочках к шкафу, открыл дверцу и тихо вскрикнул:

— Не сбежал!..

А на рисунке за одну ночь появилось снежное поле. Вырос лес, вечно шумливый и звонкий. Даже слышно, как по его верхушкам пробегает ветер.

Глубже к опушке чернеет еловый пень. На пне сидит мальчонка. Он держит на коленях зайца и поглаживает его продолговатой ладонью.

— Видел? Видел? — кричит мне Шурка.

— А что именно? Если ушастого зайца, то вижу.

— Нет, понимаешь, мальчик беляка приручил, — улыбается брат. — Это дружба, понимаешь? Теперь заяц никуда не убежит!

Я тоже счастливо улыбаюсь. Действительно, теперь заяц убежать не может, потому что от дружбы не убегают.

СПЕЛОЕ ЛЕТО

Генка Свистун не выносит жары. Он весь день отсиживается в речке-безымянке.

Только в обед он выбирается из воды на берег. И то с неохотой: домой обедать зовут. На его чёрных, будто вымазанных в саже волосах блестят увесистые капли.

От избытка бодрости Генка яростно свистит. Потом скачет на одной ноге, чтобы вытряхнуть забравшуюся в уши воду. Домой он бежит через огороды — так прямее.

Возле избы мать стирает бельё. Генка стоит рядом с матерью, наблюдая за этой нехитрой, но утомительной работой.

А полдень горячий.

— Уф!.. —хрипит отец, появляясь под черёмухой. Он колхозный бригадир. И приходит завтракать всегда посредине дня.

— Ты что, папа? — Генка заглядывает ему в глаза. — Устал?

— Нет... Не устал. Жара! — говорит тот и расстёгивает ворот вылинявшей на плечах гимнастёрки.

— Тогда сходи на речку, выкупайся.

— Ишь ты, умник нашёлся! — злится отец. — Я-то выкупаюсь, а хлеб как?.. Али тоже выкупаешь?

Генке неловко за себя.

— Пап... а пап?

— Ну чего тебе?

— А без дождя пропадает хлеб?

— Пропадает, сынок, осыпается.

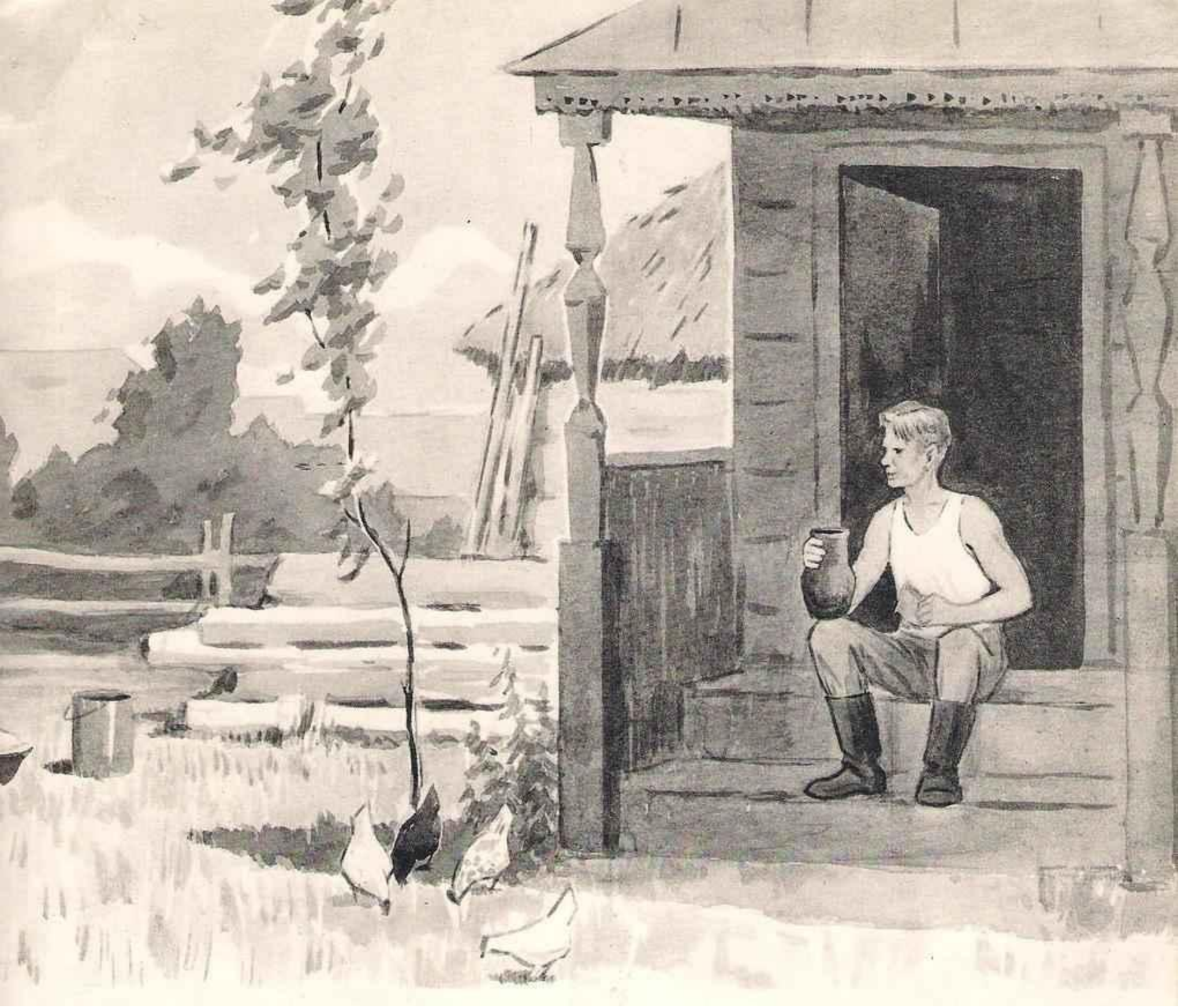
Отец пыльным рукавом вытирает вспотевший лоб. А Генка глядит, как мать выжимает бельё и вода всё время стекает струями на траву. Она серебрится. Кап... кап... — звенят водяные капли.

Отец, совсем разомлев на жаре, стаскивает с плеч гимнастёрку и бросает её в мыльное корыто. Пена, подрагивая, взбирается на рубаху.

Генка вглядывается в пепельно-серое небо. Где-то далеко в небе затерялась тучка. Одна-единственная, крохотная.

Слышно, как у ног Генки разбрызгивается из корыта вода — это мать выкручивает выстиранное бельё... Капли гулко стучат о песок.

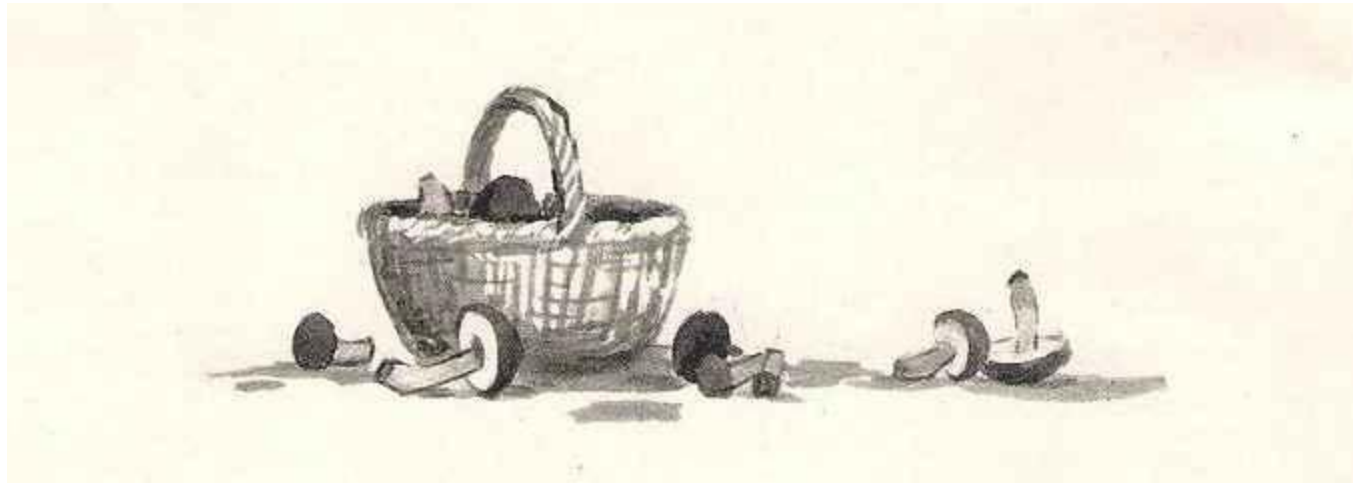
Отец вынес из избы кувшин с простоквашей и ломоть хлеба. Он ест прямо из кувшина, аппетитно вздёрнув подбородок.



Генка отворачивается от него и снова вглядывается в небо. А тучка как бы застыла на месте. Если бы её достать с неба и выкрутить, как бельё, но этого случиться не может.

Генка вразвалку направляется к отцу, садится рядом на крыльцо и слушает, как из белья капает дождь. Пусть маленький, редкий, но задиристый.

А солнце поливает жарой как из ковша. Пахнет лопнувшей на вишнях корой. Стоит спелое лето.



ЛЁНЬКА ИЗ ОЛЬХОВКИ

Я обожал смекалистых, озорных мальчишек. Тихонь недолюбливал. Но один такой тихоня заставил меня изменить своё мнение о них. Был он родом из Ольховки. Звали его Лёнька. А ещё дразнили по деревне Кнутом, потому что он был длинный и тонкий, как цыганский кнут.

Ольховку знали все заядлые грибники. По осени тут грибов хоть косой коси. Я приезжал в Ольховку каждое лето. Останавливался в крайней избе у бабки Балабосихи. По соседству с бабкой жил знакомый мне Лёнька Кнут.

В этом году грибы задерживались. Их не пускала из земли сушь. Но я сомневался, что грибов нет, и сам решил побродить по перелескам.

— Не сбивай понапрасну ног, — говорили мне женщины. — Неурод у нас в нынешнем году. Всё лето в поле работаем, а чтобы грибы увидели, такого не случалось.

Подпирая ветхий тынок спиной, Лёнька снисходительно улыбался.

— Ну, а ты чего смеёшься? — злились женщины.

— Кто захочет найти, тот всегда находит, — хорохорился он.

— Гляди, какой быстрый, — говорили ольховцы. — Мы не находили, а он найдёт...

— Запросто, — задирался Лёнька и плевал на пыльную дорогу.

В тот день мы подались по грибы в полдень. Исколесили все поляны, заглядывали под каждый куст, но ничего не нашли.

— Пустая затея, — вздохнул Лёнька.

— Почему? — спросил я.

— Нет их, грибов, — горестно сказал он и быстро зашагал в осинник.

Я предложил возвращаться в Ольховку. Лёнька наотрез отказался:

— Нельзя нам в Ольховку днём — засмеют.

Я согласился с ним. Надо переждать дотемна.

Лёнька присел на полусгнивший, давно поваленный ствол ели, сорвал травинку и принялся её жевать. Я стал переобуваться, но Лёнька зашипел на меня:

— Тихо, поглядите за бугорок.

Я привстал немного, глянул в молодой осинничек и сразу же затаился. Из осинничка вынырнул ёж. Он медленно перешёл тропку и скрылся в траве. На спине у него краснели наколотые грибы. Еж передвигался тяжело. Ему мешала ноша.

— Спасибо тебе, ёж, — хохотнул Лёнька. — Теперь обследуем осинничек. Там должны быть грибы, — заключил он.

И мы, пересекая бугорок, направились в низину.

Осинничек оказался кладом. Мы возвращались в Ольховку с грибами. Взрослые поглядывали на подосиновики и завистливо перекликались:

— Какие красные, аж в глазах рябит.

Ольховские мальчишки атаковали нас ещё при входе в деревню. Они семенили рядом, заглядывали Лёньке в глаза.

— Где ты, Кнут, наломал таких грибов? — удивлялись они.

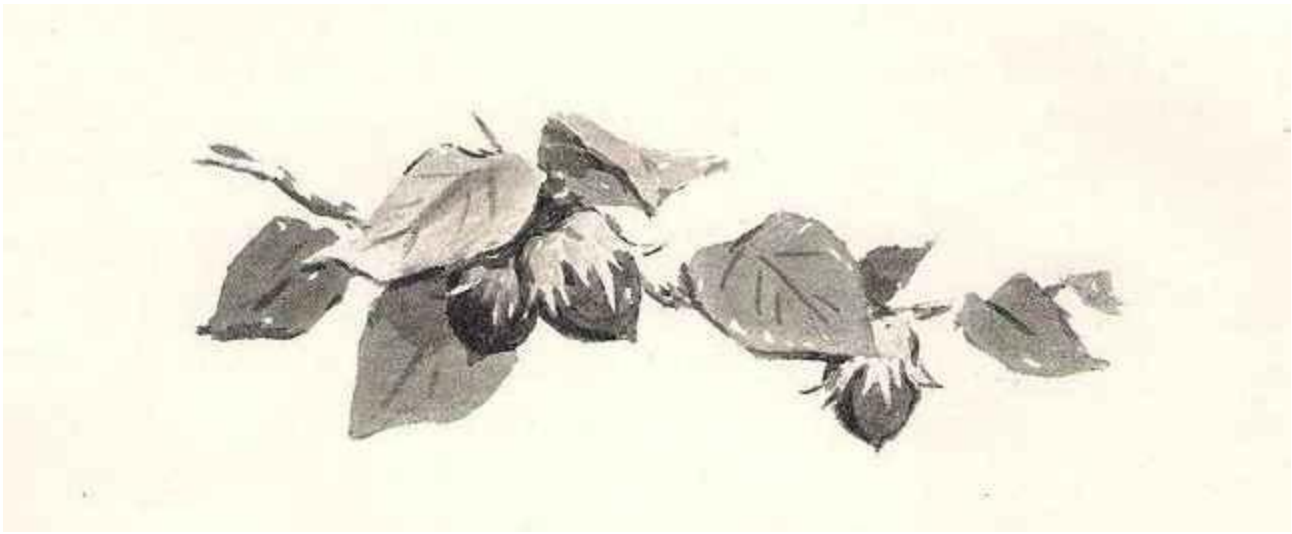
— Друзья помогли, — сообщил он, — ёж подсказал...

— Брось дурить, Лёнька!

— А я и не дурю. Ёж привёл меня в осинничек и сказал: „Бери, Лёнька, грибы да помни ёжика".

— Ха-ха!.. Ежи не разговаривают.

— Хотите верьте, хотите нет. Мне-то что?.. Я с грибами.



СУНДУКОВСКИЕ ГОСТИНЦЫ

Ванька Сундуков держится всегда в стороне от ребят. Они недолюбливают его, смеются. Скупой, мол, он — Ванятка. Про него даже частушку сложили. Обидная частушка. Ванятка даже не хочет её вспоминать.

Летом ещё куда ни шло. А вот зимой скучно. Сидит в избе все дни напролёт. Зато летом он бегает, собирает землянику. Далеко за полустанок. На Сундуковские холмы.

А когда приходит осень, Ванятка собирает грибы.

Лес для Ванятки — польза. Грибы он завозит автобусом, в город и там продаёт. И когда орехи созревают, ему тоже прибыль.

Орешника за Сундуками — уйма! Растёт он большими редкими кустами.

Домой орехи Ванятка по осени тащит мешками. Ядра крупные, тяжёлые. Вечерами Ванятка продаёт эти орехи на станции.

Он бегает вдоль курьерского поезда и громко кричит:

— Кому орешки золочёные?! Подходите, берите... Почти задаром отдаю... Двадцать копеек стакан!..

Сундуковские мальчишки гоняют рюху посреди дороги, наблюдая за Ваняткой.

Однажды они пошептались о чём-то и улизнули в лес. Ванятка тоже пошёл в лес, но возвратился оттуда с пустым мешком. Золочёные сундуковские орехи уже были оборваны...

А назавтра Ванятка к поезду вышел рано. Курьерский поезд агукнул за осинником и, пыхтя, остановился на станции. Ванятка поднял стакан с орехами и, как обычно, закричал:

— Кому орешки золочёные?!

К нему потянулись пассажиры. Но перед Ваняткой неожиданно выросли мальчишки и стали сыпать орехи всем желающим без денег.

— Берите, — орали они, обегая поезд. — Это гостинцы... Сундуковские...

Так повторилось и на второй, и на третий день.

Днём у Ванятки орехов никто не покупал, и он вышел к вечернему поезду. Возле хвостового вагона высыпал орехи прямо в картуз какому-то военному, потянулся было за деньгами, но почувствовал за своей спиной колкие глаза. Оглянулся — из-за лип на него смотрели мальчишки. Ванятка рассердился. Бросился вдоль поезда, раздавая орехи. Сыпал он орехи в карманы пассажирам, в платки и просто в пригоршни. Сыпал так, задаром — не за деньги.

— Берите, ешьте, — приговаривал он, — сундуковские гостинцы, ешьте...

Он остановился, когда мешочек был пуст да и поезда уже не было. Паровоз плавно втягивал вагоны в осенний лес.

Ванятка взглянул на темнеющий вдали осинник, и ему стало легко. Будто всю его тяжесть увёз этот поезд. Убежал считать шпалы по всей земле нашей.

Откуда-то вынырнули мальчишки. И Ванятка смело шагнул мальчишкам навстречу, потому что они первый раз в жизни понимали его.

БЕЛКИН КЛАД

Стоял конец сентября.

Мы с Тоськой, тоненькой и гибкой, как дубок, отправились в лесок за шишками. Мы хотели вылущить из них семена и посеять возле реки.

Из посёлка вышли скорым шагом. Тоська не хотела отставать, поэтому старательно перебирала ногами.

Сентябрь был сухой. И солнце не дробилось, как летом, на осколки, а заливало дорогу золотым потоком.

Впереди показался весь бурый и косматый, как медведь, лес-лесок и отгородил от дороги поляну. Она вся была утыкана старыми, полугнилыми пнями.

Я торопился, ныряя в перелесок, на залитую солнцем поляну. Тоська запуталась в ельничке и начала заметно отставать. Наконец она шлёпнулась возле переднего пня, зарылась носом в жёсткую и увядшую уже траву.

— Что с тобой? Ты споткнулась о корягу?

— Нет, — ответила она. — Духу не хватило, чтоб дальше бежать. А так вы меня подождёте, и я немного отдохну.

Тоська вскочила на ноги, скосила в мою сторону серые глаза и медленно начала заплетать косички, перевязанные красной тесёмкой у самого корня.

Когда я шагнул с поляны в лес-лесок, Тоська бросила возиться с косичками и медленно потопала за мной.

— Смотрите, вон белка! Белка побежала!

Тоська вырвалась вперёд. И я действительно увидел белку. Она быстро и легко перебиралась по выгнутой в

дугу орешине. Но там её кто-то вспугнул, и белка спрыгнула вниз. Потом она взмахнула на старую обожжённую молнией сосну и пропала с глаз.

Мы обошли сосну и тут же наткнулись на высокий стожок шишек. Ясно — это белкин склад. Он был устроен между двух высоких и ещё здоровых пней.

— Это белка их собрала, правда? — спросила Тоська. — Значит, их брать нельзя — они белкины.

Я согласился с нею.

А когда мы разогнулись и хотели пойти дальше, белка неожиданно швырнула в нас шишкой. Тоська поймала её на лету и засмеялась. Лес тоже захохотал.

Поведение белки — смелое и дерзкое, но нам некогда было об этом думать, и мы нырнули в ореховые кусты. Тут я нашёл причудливой формы корягу, хотел показать её Тоське, но девочки рядом не оказалось. Я позвал её. Отозвался мне только лес-лесок. Я заволновался и повернул назад. Нашёл Тоську у белкиного клада. Она деловито совала шишки в мешок.

Я остановился, а Тоська опять скосила в мою сторону глаза и сказала:

— Мне уже хватит шишек. Я пойду домой...

Тогда я возмутился:

— Они же белкины!.. И мы договорились их не брать.

Но Тоська не смутилась:

— Да, они белкины. Но белка захотела, чтобы эти шишки достались мне.

Я опешил:

— Почему именно тебе, а не мне?

Тоська сузила глаза, встала с колен.

— Потому что белка в меня шишкой бросила, а не в тебя. — И она по-хорошему засмеялась.

Мне ничего не оставалось, как отправляться в лес теперь одному.

Цена 19 коп.

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Шмань Геннадий Яковлевич. ***Сундуковские гостинцы***

Ответственный редактор Л. Я. Либет. Консультант по художественному оформлению С. М. Алянский. Технический редактор Г. А. Подольская. Корректор К. П. Тегельская. Подписано к печати с готовых диапозитивов 27/IX 1966 г. Формат 60×90¼. Печ. л. 3. Уч.-изд. л. 3,39. Тираж 300 000 экз. Бум. № 1. Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 5029.